

Содержание

Э. Абсалямова
Игра с земным шаром

7

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ
перевод Н. Немчиновой (I и III части)
и А. Худадовой (II часть)

33

ЖАНГАДА
перевод Е. Шимаревой

623

Словарь
887

*«Дайте мне точку опоры –
и я переверну мир»*

АРХИМЕД

На одном из юмористических рисунков в парижском журнале за 1874 год Жюль Верн изображен бородатым господином, бодро крутящим ногами крошечный земной шар. На другой карикатуре Верн держит глобус под мышкой как мяч и луну на ниточке как воздушный шарик. Еще на одном шарже он предстает бродячим кукольником, вращающим землю на сцене своего театрлика. Задорный ум парижских карикатуристов настойчиво возвращался к этому мотиву: игра с земным шаром. В иронии сквозило восхищение, если не зависть к могуществу Жюля Верна: горы, моря и реки, острова и континенты, недра земли, глубины океана и космические дали – все это с удивительной легкостью вместили страницы его романов: «Вокруг света за восемьдесят дней» (1873), «Таинственный остров» (1875), «Путешествие к центру земли», «Двадцать тысяч лье под водой» (1870) и «Из пушки на Луну» (1865). В пору, когда человек постепенно привыкал к передвижению на паровозах и пароходах и только начинал осваивать воздушное пространство при помощи аэростатов и дирижаблей, перемещения героев Жюля Верна казались дерзкой мечтой. В век, когда фотография делала первые шаги, а изобретение кино было еще лишь предчувствием, книги Жюля Верна открывали новые перспективы и пространства. Жюль Верн казался тогда либо фокусником и иллюзионистом, либо пророком

и величайшим мыслителем эпохи. Возникали даже подозрения, что за этим именем скрывается целая команда передовых ученых эпохи... Так кем же на самом деле был этот титан, игравший земным шаром? Какой рычаг нашел этот новый Архимед, чтобы перевернуть весь мир?

«Я женюсь! Я повстречал на своем пути богатейшую партию: господин Этцеля», — отписал отцу из Парижа без малого тридцатипятилетний Жюль Габриэль Верн в 1862 году. Этот ликующий возглас звучал почти как «Эврика!» Архимеда. Пьер-Жюль Этцель, один из активнейших издателей того времени, согласился опубликовать первый роман Верна, «Пять недель на воздушном шаре». Этцель, очевидно, тоже почувствовал, что сделал удачную находку, ибо не стал медлить с изданием книги, хотя имя Жюля Верна тогда еще мало что говорило даже самым осведомленным парижским газетчикам: малоизвестный человек с литературными интересами, зарабатывающий на жизнь деятельностью биржевого маклера и вращающийся в театральных кругах; автор нескольких пьес, рассказов и куплетов на музыку Иньяра, — в общем, всего лишь одна из пешек парижского окололитературного мира. Недаром незадолго до случайной встречи с издателем Этцелем Жюль Верн жаловался отцу в письмах, что за какой бы вид литературной деятельности он ни взялся, ему никак не удастся чего-то достичь, оказаться в чем-то первым: театральные директора, для которых он готовит сценарии, невовремя уходят с должности, темы для статей перехватывают более проворные журналисты, а пришедшие в голову названия пьес уже мелькают на афишах. «Если бы я открыл сороковую планету, то и она, кажется, разорвалась бы мне назло», — сетовал он.

И вот наконец надежда на успех. Приключенческая история о поисках труднодоступных истоков Нила была представлена парижскому читателю в январе 1863 года, а через три месяца в Лондон пришла телеграмма, сообщающая об успехе экспедиции капитана Джона Спика — первого европейца, добравшегося до места, где берет начало великая африканская река. Предугаданное Жюлем Верном открытие осуществилось, и в то же время вымышленный рассказ был увлекательнее реальных фактов: чего стоит само выбранное средство передвижения — воздушный шар. Когда в 1858 году Феликс Надар ненадолго поднялся в воз-

дух, чтобы сделать фотографию Парижа с высоты птичьего полета, затея эта наделала много шума. Что и говорить о немислимой выдумке — о пятидневном полете над Африкой, пусть только вообразаемом... Надежды Верна и Этцеля оправдались полностью и даже сверх ожиданий: успех первой книги во Франции был несомненным, и ее сразу же начали переводить на другие языки. Так, в Москве роман был издан под названием «Воздушное путешествие через Африку» уже в следующем, 1864 году. Тогда же М.Е. Салтыков-Щедрин отметил в своей рецензии, что роман Жюль Верна непременно должен стать настольной детской книгой.

Так было положено начало многолетнего союза писателя и издателя. Этцель поставил перед Верном цель — создавать не менее одного романа в год: он давно искал подходящий материал для подарочных изданий, которые расходились бы в рождественскую пору — увлекательное чтение, в первую очередь предназначенное для детей, но содержательное и написанное хорошим языком. Для этой цели как нельзя лучше подходили произведения Верна, чей замысел Этцель удачно выразил в предисловии к роману «Путешествия и приключения капитана Гаттераса» (1866): «обобщить все познания в области географии, геологии, физики, астрономии, полученные современной наукой, и создать, в свойственной ему привлекательной и живописной форме, историю Вселенной». Так появляется первая формулировка изобретенного Верном жанра и одновременно его романы получают общее название: «Необыкновенные путешествия». Легендарная серия вошла чуть ли не в каждый французский дом. Читатели с увлечением следили за приключениями героев и с нетерпением ждали выхода следующей главы романа в новом номере «Журнала воспитания и развлечения», публикуемого Этцелем. Затем романы Верна одевались в великолепные алые обложки с золотым тиснением и превращались в желанные подарки к Рождеству или Пасхе. Кроме того, Этцель разработал удачный коммерческий план: предложить Министерству образования выдавать романы Жюль Верна в качестве призов за хорошую успеваемость (заметим, что Верн от таких переизданий не получал ничего). Таким образом, именно Пьер-Жюль Этцель сыграл главную роль в том, что Жюль Верн на долгие годы прочно занял позицию детского писателя. К счастью, Верн не остался писателем для детей: во-первых, знающие современни-

ки сразу разглядели серьезную базу этих произведений, во-вторых, дети росли и становились учеными, естествоиспытателями, путешественниками или просто достойными людьми; наконец, в шестидесятые годы XX века новый взгляд на литературу позволил серьезным литературоведам разглядеть в Верне истинного писателя.

Так или иначе, Жюль Верн был бесконечно благодарен издателю и другу и приписывал ему все заслуги; несколькими годами позже Верн так закончит одно из писем к Этцелю: «Ваш Верн: тот, которого Вы изобрели». Этцеля действительно можно благодарить за то, что он стал первым ценителем романов Верна и не давал ему отклониться от выбранного курса; он помог Верну утвердиться в том, что искомая точка приложения его врожденного таланта найдена. Но сама формула успеха — волшебная формула, превращающая науку и приключения в талантливую литературу, — это личность Жюля Верна с его разнообразными интересами, живостью ума и невероятной трудоспособностью. Это то, чем Жюль Верн был с первого и до последнего дня жизни.

Если искать совпадений, то можно сказать, что Жюль Габриэль Верн родился под знаком путешествий, литературы и техники. Он появился на свет в портовом городе Нант, в доме, наполненном книгами и приборами для научных исследований, в 1828 году. Всего за два года до этого Жозефом Ньепсом был получен первый из сохранившихся до наших дней фотографический снимок, «Вид из окна» (1826), а в окрестностях Сент-Этьена как раз велось строительство первой во Франции и во всей континентальной Европе сети железных дорог (1827–1830). Год рождения Жюля Верна — это год изобретения дифференциала О. Пеккёром и открытия И. Берцелиусом 90-го элемента, тория. А всего три года спустя, в 1931 году, Брутус Виллеруа сконструирует одну из первых подводных лодок. Верн-отец был адвокатом, но его интересы были достаточно широки, поэтому в доме, помимо солидной библиотеки — труды по праву, античная литература, произведения на английском и итальянском языках, книги по всемирной истории и истории географических открытий — был телескоп, а также лупы, микроскопы, химические препараты и даже электрическая машина. Для пользы пятерых детей, из которых Жюль был стар-

шим, выписывались занимательные семейные журналы «Musée des familles», «Magazine pittoresque».

Жюль Верн, будущий автор романов “Таинственный остров” (1875) и “Плавучий остров” (1895), родился на острове, правда, не плавучем и вовсе не таинственном. Это был застроенный жилыми домами речной островок, образуемый рукавами реки Луары в самом центре города Нант. Но романтика путешествий и ароматы дальних стран были частью жизни города на атлантическом побережье: в порту теснились мачты парусников, а на рынке продавались заокеанские товары и звучали голоса китобоев. По семейным преданиям первым, но очень ярким проявлением интереса Жюля Верна к путешествиям был... побег в Индию. Одиннадцатилетний Жюль тайком от всех нанялся юнгой на парусник, чтобы привезти двоюродной сестре Каролине ожерелье из кораллов. К счастью, родители вовремя заметили отсутствие сына, и отец успел перехватить беглеца в соседнем порту. Жюля примерно наказали и взяли с него слово, что отныне он «будет путешествовать лишь в мечтах».

Даже если история о побеге больше похожа на романтическое преувеличение, в нее нетрудно поверить, зная, каким прекрасным средством передвижения стала фантазия Жюля Верна, которая уносит в дальние края уже не одно поколение читателей, юных и зрелых. Сам Верн признавался в другой проделке в том же духе: восьмилетним мальчишкой он вскарабкался по снастям на борт одного из парусников, стоявших у причала, добрался до капитанского мостика и, воспользовавшись отсутствием команды, смог сделать полный оборот штурвала. Рассказывал Верн и о своем первом знакомстве с морем, чуть не обернувшимся обидой на взрослых и на весь мир: впервые оказавшись на пляже в отлив, Жюль подбежал к кромке воды, попробовал ее на вкус — и крикнул брату: «Они нас обманули!». Вода была совершенно пресной из-за близости речного устья.

В краю, где Луара впадает в Атлантический океан, вода и лодки всегда были поблизости — лето семейство Вернов проводило в загородном доме, с террасы которого также открывался вид на судородную реку. В свободное время можно было отправляться в маленькие путешествия на старой лодке. Позднее Жюль Верн вспоминал, что не было такого закоулка на Луаре, который бы он к пятнадцати годам не исследовал вместе с младшим братом Полем, будущим капитаном дальнего плавания. Неподалеку от заго-

родного дома находился завод, куда Верн частенько заходил и часами наблюдал за работой машин; позднее он признавался, что это зрелище доставляло ему не меньшее удовольствие, чем созерцание картин Рафаэля или Корреджо. Кроме того, юный Жюль Верн умел стрелять из пистолета, фехтовать и смешить одноклассников выдумками вроде «слона на паровом ходу». По части занимательных историй ему было у кого поучиться: если его отец был серьезным адвокатом, то двое дядюшек — людьми несколько авантюрного склада. Один из них, Прюден Аллот де ла Фюйе, бывший судовладелец, сам побывал в дальних странах (Каракас, Пуэрто Кабелью). Другой дядюшка, Франциск де ла Сель де Шатобур, любил рассказывать о своем знаменитом кузене, писателе-романтике Рене де Шатобриане, совершившем путешествие в Северную Америку, о звероловах, ирокезах и поиске Северного прохода. Воображение Жюля Верна проснулось рано; он любил читать и знал наизусть целые страницы из «Собора Парижской Богоматери» Виктора Гюго. Еще подростком Верн написал множество стихов и трагедию в пяти актах в подражание пьесам Гюго и, кажется, уже лет в тринадцать дал себе обещание стать писателем. Возможно, амбиции Верна обострили две безответные влюбленности — в кузину Каролину, а затем в некую Эрминию Арно-Гуссетьер. Отвергнутому юноше хотелось доказать, чего он стоит.

Отец видел в старшем сыне преемника своей адвокатской практики, и в девятнадцать лет Жюль был отправлен в Париж для обучения в университете. Однако среди разнообразных интересов юноши юриспруденция занимала далеко не первое место. Гораздо больше его увлекала литературная и театральная жизнь столицы. Юридический факультет Жюль Верн закончил, а вот вернуться в родной город и заменить отца в должности адвоката отказался. Живя в Париже, он познакомился со многими литераторами, в том числе с отцом и сыном Дюма, которые поощряли его писательские опыты. Кажется, не без участия Александра Дюма-младшего Жюль Верн создал первую настоящую пьесу, «Сломанные соломинки» (1850), которую Дюма-отец принял к постановке в своем театре. Успех спектакля был относительный, но окрыленный Верн в дальнейшем становится соавтором еще нескольких комических опер и комедий. Кроме того, Верн общается со мно-

гими музыкантами, пишет тексты для оперетт и песен известного тогда композитора Аристида Иньяра и даже становится на некоторое время секретарем Жюля Севеста, директора оперного театра «Лирик».

В двадцать девять лет, неожиданно для члена клуба холостяков с красноречивым названием «Двадцать без женщин», Жюль Верн женится на молодой вдове, матери двоих маленьких дочерей. Очевидно, Верн не отрицал брак как институт, поскольку знакомство состоялось на свадьбе друга: сестра новобрачной, Онорина Девиан, оказалась весьма привлекательной молодой женщиной. Верн задержался в гостях на неделю, а уже через месяц он посетовал отцу на то, что литературные амбиции мешают ему устроить свою личную жизнь: «Покуда я числюсь в сверхштатных кандидатах от литературы, отцы и матери будут отворачиваться от меня и будут правы». Выход из ситуации Верну виделся в том, чтобы стать маклером на Парижской фондовой бирже, где работал брат его избранницы. С отцовской помощью Верн выкупил небольшую долю в конторе «Eggly», прошел стажировку — и вскоре женился на Онорине. С этого момента, чтобы успевать заниматься литературой, Жюлю Верну пришлось выработать особый распорядок дня: он просыпается в пять часов утра и пишет до одиннадцати, а затем отправляется на биржу. Позднее он говорил, что работа маклером дала ему неоценимое знание делового мира, которое он потом часто использовал в своих романах, но не менее важным нововведением была самодисциплина, без которой Верну так и не удалось бы стать великим писателем.

В этот период поисков верного пути некоторые плоды утренних трудов Верна печатаются в журнале “Musée des familles”, в том самом на журнале для семейного чтения, на котором вырос он сам. Это были три произведения на исторические и географические сюжеты: «Первые корабли мексиканского флота», «Мартин Паз» и «Путешествие на воздушном шаре». В первом описывается приобретение молодым мексиканским государством первых кораблей, второе было специально заказано Верну, чтобы сопроводить интереснейшие рисунки и гравюры, привезенные из Перу, а третье представляет собой леденящую новеллу в духе Эдгара По и предвосхищает первый состоятельный роман Верна.

Еще в годы относительной безвестности Жюль Верн успел стать отцом и совершить свои первые путешествия. В 1859 году

друг и соавтор Аристид Иньяр за свой счет пригласил его в поездку по Шотландии, а два года спустя — по Скандинавии. Блокнот с путевыми записками этих путешествий пригодился Верну для первой главы неоконченного романа «Веселые несчастья трех путешественников в Скандинавии» — пробы пера за два года до «Пяти недель на воздушном шаре» — и при написании «Лотерейного билета» (1886). Поездку в Скандинавию Верну, однако, пришлось сократить — и ему удалось прибыть в Париж как раз к рождению сына Мишеля.

Публикации в “Musée des familles” и первые путешествия свидетельствуют о том, что несмотря на большую занятость, Верн не потерял интереса к географическим исследованиям. И действительно, он посещал всевозможные научные доклады и регулярно ходил в Национальную библиотеку, где читал в основном о путешествиях, последних открытиях и новейших технических изобретениях. Причем читал Верн внимательно, делая выписки (когда ему было 60 лет, в отдельном шкафчике в его библиотеке хранилось уже около 20 тысяч выписок по всем отраслям знаний, которые могли пригодиться ему в работе над романами). Некоторые записи Верн делал после бесед со знающими людьми, а среди его друзей и знакомых таких было много: один из первых фотографов и энтузиастов воздухоплавания Феликс Надар, воздухоплаватель и конструктор аэростатов Эжен Годар, братья Арагон — авторитетный физик и астроном Франсуа и путешественник Жак.

Одновременный интерес к литературе, науке и технике и общение со столь разными людьми, как Дюма и братья Араго, натолкнули Жюль Верна на мысль создать «роман в новом стиле». Сам Жюль Верн рассказывал о рождении нового жанра «научно-приключенческого» романа так: «Когда я впервые встретил Дюма, я решил — то, что он сделал для истории, я сделаю для географии». Однако более десяти лет прошло со встречи с Дюма до поворотной точки в жизни Верна, когда сотрудничество с Этцелем позволило воплотить этот замысел. Но как только писатель нашел необходимую поддержку и опору, его уже невозможно было остановить. За первым произведением, опередившим географическое открытие, сразу же последовали романы «Путешествие к центру земли» и «Из пушки на Луну», в которых писатель отправ-

лял своих героев и в недра земли, и к ее спутнику. Что касается земной поверхности, Верн утверждал: «Я поставил своей целью описать весь земной шар». Действительно, если прочертить на карте мира маршруты передвижений всех героев «Необыкновенных путешествий», то образуется плотная сетка, соединяющая все материки и пересекающая все океаны. При этом Жюль Верн всегда заботился о достоверности и в большинстве случаев добивался ее. Известный французский географ Вивьен де Сен-Мартен восторгался точностью описаний арктических морей в романе «Путешествие и приключения капитана Гаттераса» (1866), и по его представлению Жюль Верн был избран членом французского Географического общества. В целом, немногочисленные географические и картографические ошибки, которые можно найти в книгах Верна, — это ошибки географов его эпохи, на сведения которых опирался писатель.

И небольшие просчеты, и несомненные достоинства сочинений Жюля Верна обусловлены тем, как именно он работал над романами. По его собственному признанию у него всегда был в запасе десяток сюжетов. Составив план нового произведения, он знакомился со всеми доступными материалами, описывающими уголок земного шара, где должно было происходить действие. Позднее начиналось свободное творчество, но прежде нужно было пройти через тягостную стадию проработки источников. Верн опирался на классические труды по географии, такие, как сочинение Элизе Реклю, а также на путевые записки и воспоминания путешественников. В домашней библиотеке Верна было множество картографических атласов и иллюстрированных альбомов о флоре и фауне далеких стран. Некоторые описания дальних стран напрямую позаимствованы из рассказов исследователей, публиковавшихся в журналах того времени.

Описание Гонконга и чайных плантаций для романов «Вокруг света за восемьдесят дней» (1873) и «Приключения китайца» Жюль Верн нашел в книгах австрийской путешественницы Иды Пфайффер (1797–1858), повествующих о двух кругосветных путешествиях. В романе «Мишель Строгов» (1876), герой которого отправлен из Москвы в Иркутск с поручением государственной важности, для описания незнакомых Верну русских реалий использованы заметки европейских путешественников о Томске и об озере Байкал. Кроме того, в данном случае Жюль Верн обратился с просьбой оценить достоверность романа к компетентным

лицам: И.С. Тургеневу и графу Орлову, царскому послу в Париже. Правда, не обошлось без небольшого дипломатического инцидента, обусловленного не фактическими погрешностями, а вольностью писательской фантазии: Верн позволил себе вообразить восстание сибирских народов против царя. Российское посольство, однако, ограничилось требованием изменить первоначальное название «Царский гонец». В результате «русский» роман Верна увидел свет и его даже читал своим внукам Л.Н. Толстой. В 1891 году великий русский писатель отмечал: «Романы Жюль Верна превосходны, я их читал совсем взрослым, и все-таки, помню, они меня восхищали. В построении интригующей, захватывающей фабулы он удивительный мастер. А послушали бы вы, с каким восторгом отзывается о нем Тургенев! Я прямо не помню, чтобы он кем-нибудь еще так восхищался».

Восхищения было достойно не только то, как Верн собирал и обрабатывал факты и умел связать их в захватывающую историю, но и то, как он заботился о языке и стиле: первый черновик он всегда писал карандашом, затем заново проходил каждую страницу пером, а после еще раз правил написанное. Автор добивался того, чтобы в написанное не хотелось больше ничего добавить или убавить. Верн был всегда готов вносить изменения и прислушивался к советам Этцеля. Например, горячее желание написать собственную историю по мотивам «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо появилось у Верна еще в 1865 году после прочтения «Швейцарского робинзона» Иоганна Давида Висса. Первую рукопись Этцель вернул писателю с раздраженным комментарием: «Оставьте-ка мне все эти типажи и начните снова, с самого начала». Верн изменил многое, вплоть до местоположения необитаемого острова, и десяток лет спустя вышел в свет один из известнейших его романов «Таинственный остров» (1874–1875). К этому моменту Верн уже был обогащен опытом написания таких шедевров, как «Дети капитана Гранта» (1867) и «Двадцать тысяч лье под водой» (1870). Выношенный за многие годы роман о новых «робинзонах» стал заключением трилогии, и в нем снова появились столь удавшиеся автору персонажи, Сайрес Смит и Айртон, а также ставший легендарным капитан Немо. Верн обрел мастерство в создании персонажей и теперь ничем не уступал собственным литературным кумирам. О Жюле Верне можно говорить словами, произнесенными им самим о Чарльзе Диккенсе: «...персонажи, персонажи, персонажи. [...] Он был щедр на них, как наш Баль-

зак, который создал мир, послуживший моделью для пришедшего затем общества».

Помимо литературного мастерства и географической эрудиции Жюль Верна, поражает его техническая осведомленность. Сам Верн говорил, что различные машины и технические приспособления были ему необходимы лишь для того, чтобы облегчить персонажам передвижение по планете и завести действие романов в новые, еще неизведанные уголки. Но поиск оригинальных решений, похоже, увлекал самого писателя: Верн отправлял своих героев в путешествия не только на уже существовавших средствах передвижения — слон, яхта, велосипед, — но и фантазировал — страус, льдина, сани под парусом, — и изобретал — автомобиль, подводная лодка, вертолет. Не удивительно, что вдохновенные описания летающих и плавающих машин сразу же привлекли внимание не только впечатлительных подростков, но и трезвомыслящих взрослых. Серьезные ученые, такие, как физик и астроном Жюль Жансен и математик Жозеф Бертран, просчитывали предлагаемые Верном технические решения. В свою очередь, Жюль Верн, который никогда всерьез не занимался наукой и экспериментами, свои приключенческие романы создавал с основательностью ученого. Поэтому об английском писателе-фантасте Герберте Уэллсе Жюль Верн писал: «...По сравнению со мной он идет совсем противоположным путем. В его повестях, по-моему, нет подлинно научной основы. Я использую физику, а он изобретает ее». Иногда для рождения нового романа Верну достаточно было пробежать глазами номер утренней газеты: «Я взял выпуск «Siecle» и наткнулся на рассуждение и подсчеты, которые показывали, что вполне возможно совершить кругосветное путешествие за 80 дней. Идея мне понравилась, но, размышляя над этим, я понял, что в своих расчетах они не учли смену меридианов. Я подумал о том, какую развязку это даст в романе, — и взялся за работу». Так родился роман «Вокруг света за восемьдесят дней» (1873), в котором англичанин Филеас Фогг заключает пари, что совершит кругосветное путешествие за указанное время.

Как и для получения сведений по географии, в области науки и техники Верн пользовался не только письменными источниками (трудами математиков, физиков, инженеров), но и общением с осведомленными людьми. В том, что касается мореплавания, его лучшим советчиком был брат Поль, ставший капитаном: они

вместе выверяли описания оснастки парусных судов и просчитывали модели подводных аппаратов. Возможность узнать о ранних опытах воздухоплавания не понаслышке Верну представилась одновременно с выходом в свет его первого романа «Пять недель на воздушном шаре». Деятельность Феликса Надара настолько увлекла писателя, что в 1863 году он вступил в организованное этим энтузиастом «Общество поощрения воздухоплавания при помощи аппаратов тяжелее воздуха». Вместе с другими его членами Верн занимался строительством шара «Гигант», объемом в 6000 м³, и присутствовал при его первом подъеме в воздух с Марсова поля 4 октября 1864 года. Верн поучаствовал в пуске по-писательски: он не вошел в первый экипаж (которому, кстати, удалось долететь лишь до городка Мо, что в 100 км от Парижа), но опубликовал заметку о «Гиганте» все в том же семейном журнале «Musée des familles», а затем превратил львиногоривого усача Надара в персонаж по имени Мишель Ардан, которого поместил не в один, а в два своих романа: «Из пушки на Луну» (1865) и «Вокруг Луны» (1869). Впоследствии многие ученые и инженеры, которых Жюль Верн встречал на своем пути, одалживали свои имена, лица и привычки верновским персонажам — гениальным, отважным, эксцентричным, иногда немного растерянным. Так наука переставала быть абстракцией и обретала голос, лицо, плоть и кровь. Что до Надара, то он добродушно посмеялся над «дружеским шаржем», в котором было много правдивого и немного вымышленного, а много лет спустя лукаво сожалел, что не отплатил Верну за услугой за услугу: ведь писатель отправил его в полет на Луну, а он так и не поднял Верна над землей. Такая возможность писателю представилась лишь десять лет спустя благодаря другому товарищу по «Обществу поощрения воздухоплавания», Эжену Годару, но полет продлился всего три четверти часа, а не «пять недель». По сути, так и должно было быть: каждый был занят своим делом: Жюль Верн продолжал создавать «научно-приключенческие» романы, а Надар и Годар — совершенствовать воздушные шары и искать им применение.

Что касается самой идеи полета на Луну, то Верна вдохновили рассуждения астронома Камиля Фламариона, хотя эта идея давала пищу для разного рода философских и художественных сочинений с XVII века: самым знаменитым предшественником Верна был Сирано де Бержерак с его полным иронии повествованием о полете в кабине, запущенной при помощи фейерверков, и

знакомстве с жителями Луны. Только в 1865 году, одновременно с книгой Верна, во Франции вышло еще два романа о космических путешествиях. Друг Верна, Александр Дюма-сын, выбрал фантастичный вариант: в его произведении садовника уносит на Луну орел, а вот другой «соперник» Верна, Ашиль Эйро, с технической точки зрения оказался чуть ближе к истине: он выбрал для путешествия на планету Венеру ракету, а не запускаемую пушкой капсулу. Таким образом, нельзя сказать, что Жюль Верн в точности предсказал будущий полет на Луну. Однако он предугадал место запуска первой ракеты, достигшей Луны — мыс во Флориде. Более того, именно Верна с благодарностью вспоминал К.Э. Циолковский, окончательно сформулировавший принципы реактивного движения в 1903 году. Основоположник аэронавтики признавался: «Жюль Верн пробудил мою мысль, заставил ее работать в нужном направлении».

Обмен был взаимным: Жюля Верна вдохновляли ученые и инженеры, а романы писателя направляли поиски изобретателей. Хотя иногда «находки» были скорее анекдотичными. Так, идею романа «Вверх дном» (1888) Верн разрабатывал с помощью талантливого математика и инженера Бадуро: Бадуро по просьбе писателя произвел необходимые расчеты, чтобы доказать возможность изменить наклон земной оси за счет выстрела из гигантской пушки. Математик настолько серьезно подошел к задаче, что даже представил свой проект ученым коллегам. Проект этот вряд ли когда-либо будет реализован, а вот роман Верна продолжает жить и его главный герой напоминает нам об инженере Бадуро.

Сам Жюль Верн так и не стал изобретателем. Технические идеи Верна в большинстве своем не были полностью новаторскими, но витали в воздухе и были рано или поздно воплощены: фонограф, звуковое кино, видеофон, факс... Кроме того, специалисты обвиняют Верна в незнании принципа сохранения энергии и других неточностях. И тем не менее Д.И. Менделеев, например, называл его не иначе как «научным гением». Жюль Верн, скорее всего, возразил бы русскому химику и энтузиасту воздухоплавания так же, как возражал журналистам, чересчур настойчиво расспрашивавшим его в конце жизни о якобы сделанных им «предсказаниях»: «Что вы преувеличиваете: я совсем ничего не предсказал. Если некоторые из моих выдумок воплотились в жизнь, то это просто случайность». И добавил бы с присущей ему простотой и

скромностью, что, например, на момент написания романа «Двадцать тысяч лье под водой» уже существовали подводные аппараты. И что, к тому же, у придуманного им «Наутилуса» огромный недостаток: движущую силу — электричество — ему дает море. И заключил бы, что даже если это возможно, то мы столь же далеки от этого, как и много лет назад.

Как же удавалось Жюлю Верну создавать по два и больше романа в год и при этом не терять связи с действительностью, получать нужную информацию и ощущать творческие импульсы? Огромное наследие писателя поражает тем больше, что он никогда не пользовался трудом «литературных негров». В исключительных случаях сюжеты для романов предоставлял ему Этцель: так, однажды он передал Верну манускрипт, выкупленный у некоего Паскаля Груссе, сосланного в изгнание коммунара. Манускрипт лег в основу романа «Пятьсот миллионов Бегумы» (1879). Позднее Груссе отдал Верну наброски, ставшие романом «Южная звезда» (1883), и признался, что преображение собственного замысла под пером Верна научило его большему, чем десять лет самостоятельной работы. Поэтому он согласился на совместную работу над третьей книгой: на этот раз Верн создал общий план, а затем выверил написанное соавтором — сам он в это время был занят окончанием «Всеобщей истории великих путешествий и великих путешественников».

Десятилетний труд над грандиозной шеститомной «Всеобщей историей великих путешествий» — еще одно свидетельство необыкновенной трудоспособности Жюля Верна: на протяжении десяти лет одновременно с «Необыкновенными путешествиями» Верн писал главы этого исторического труда. Основательный подход Верна к сбору материала приобрел уже полностью научный характер: писатель пользовался документами, судовыми журналами, дневниками путешественников. Поскольку Верн не владел нужными иностранными языками, он обратился за помощью к Габриэлю Марселю, сотруднику Национальной библиотеки, и тот собирал и переводил для него испанские, португальские и итальянские источники. Поражает объем проделанной Верном работы, ведь он упоминает тысячи географических названий и рассказывает о сотнях путешественников. В итоге Верну не удалось избежать неточностей, но главное достоинство «Истории

великих путешествий» — умение реальные путешествия описывать так же увлекательно, как и вымышленные. При чтении глав из «Всеобщей истории великих путешествий» реальные личности — Колумб, Магеллан или Кук — встают перед нами так же живо, как вымышленные персонажи — капитан Немо или Паганель.

К началу работы над «Историей великих путешествий» Верн большую часть времени проводил уже не в Париже, а в портовом городке Кротуа в устье Соммы. В 1865 году он снял там небольшую виллу с видом на узкий морской залив и для работы облюбовал беседку в саду. Здесь он мог спокойно трудиться и свободно дышать. Жюль Верн радовался как ребенок: Кротуа — это «матросская блуза, галоши, морской воздух, лодки», полная противоположность Парижу. Некоторое время писатель был еще немного стеснен в средствах — Этцель платил ему лишь установленный скромный годовой оклад — и продолжал заниматься финансовыми операциями на бирже через посредство шурина. Поэтому он с готовностью принял предложения Этцеля заняться подготовкой сначала «Иллюстрированной географии Франции и ее колоний» по более выгодному контракту, а затем и «Всеобщей историей великих путешествий».

Усиленный труд принес и возможность позволить себе маленькие радости: в 1865 году Жюль Верн заказал собственный парусник, баркас, названный «Сен-Мишель» в честь святого покровителя подрастающего сына. Писатель признавался: «Я влюблен в эту конструкцию из гвоздей и досок, как в двадцать лет бывают влюблены в первую подругу. Но ей я буду вернее!» На борту этого баркаса он напишет роман о морских приключениях «Дети капитана Гранта» (1867) и позднее совершит путешествие в Англию (1868), но одно из первых плаваний — вдоль Атлантического побережья до родного Нанта, чтобы привезти с собой брата. Взяв обратный курс, «Сен-Мишель» попадает в бурю, и среди бушующих волн в воображении писателя впервые рисуется главный герой романа о подводных путешествиях, капитан Немо: «Он уже не на суше, он обходится без суши. Ему достаточно моря, но нужно, чтобы море давало ему все: одежду и пищу. Но его нога уже не ступает ни на один континент. Если бы континенты и соседние острова исчезли под водами нового потопа, он жил бы по-прежнему, и, будьте уверены, его ковчег будет обустроен получше ноева», — обрисовывает его Верн в письме Этцелю. Наконец найден ключ для создания книги, замысел которой зрел уже давно.

Идеей романа «Двадцать тысяч лье под водой» (1870) Верн, по его собственному признанию, был обязан Жорж Санд. Еще в 1865 году знаменитая писательница, чьи произведения также издавал Этцель, получила от Верна экземпляры двух ранних романов и ответила автору доброжелательным письмом: она признавалась, что чтение утешило ее в горе по потерянному спутнику жизни, и просила прислать новый роман, как только он появится, а также выражала надежду, что Верн вскоре поведет читателей в глубины моря и отправит их в путешествие «на тех водолазных аппаратах, которые [его] знания и воображение позволят [ему] усовершенствовать». С конструктором одного из таких подводных аппаратов Верн знакомится на Атлантическом побережье: Жан-Франсуа Консей работал над проектом паровой субмарины и уже провел первое погружение в водах Сены в 1858 году. Инженер становится прототипом одного из персонажей будущего романа, последний импульс к написанию которого Верн получает от бурного моря.

Но что эта маленькая буря у побережья по сравнению с необузданной мощью открытого океана, которую Жюлю Верну довелось впервые испытать в 1867 году, когда они с братом отправились в Северную Америку на борту парохода «Грейт Истерн», остававшегося самым большим лайнером в мире в течение полувека — до появления «Титаника». Верн увидел этот пароход еще на стадии строительства в доках на Темзе, во время первого путешествия в Шотландию: судно было спущено на воду в 1858 году. Надо сказать, что история строительства и пуска на воду плавающего гиганта длиной в 211 метров с водоизмещением 23 800 тонн не обошлась без трагических историй: конструктор умер вскоре после начала строительства, один из механиков навсегда остался в запаянном паровом котле, первый капитан корабля утонул в порту приписки... Долгое время злосчастному пароходу не могли найти должное применение: гигант с пятью трубами, с семнадцатиметровыми колесами, винтом и запасными парусами не окупал себя в качестве пассажирского судна. Спасение пришло в 1858 году, когда в «Грейт Истерне» увидели идеальное средство для прокладки первых трансатлантических телеграфных кабелей: он обладал достаточной грузоместимостью, чтобы взять на борт необходимую длину кабеля и персонал для его размотки.

Жюль Верн и его брат Пьер попали на борт парохода, когда судно вновь временно оборудовали для пассажиров: «Грейт-Истерн» должен был доставить американских посетителей на готовившуюся Всемирную выставку в Париже. На пути в Новый Свет перед пассажирами выступил американский промышленный магнат Сайрес Филд, владелец компании по укладке телеграфных линий, с рассказом о выполненной пароходом в 1866 году почетной задаче объединить континенты телеграфной связью и о принципе её работы, запатентованном Сэмюэлем Морзе. Возможно, именно тогда в сознании Верна имя энергичного промышленника соединилось с фамилией инженера Френсиса Смита, одного из соратников Морзе, который обеспечивал передачу пробного сообщения между Балтимором и Вашингтоном в 1844 году. Так было найдено имя для одного из ключевых персонажей Жюль Верна, инженера Сайреса Смита. Что до могучего «Грейт Истерна», рядом с которым, по словам Верна, даже трехмачтовые парусники казались лодочками, то судно обрело в воображении Верна очертания плавучего острова и роман, описывающий остров-корабль, был написан вскоре после возвращения во Францию («Плавучий остров», 1871).

Возвращение не было скорым: путешествие заняло в общей сложности девяносто шесть дней. У берегов Америки Верна настигла буря, во время которой писатель не знал, трепетать ли перед стихией, срывающей обшивку судна как лоскутки ткани, или улыбаться нелепому зрелищу прыгающих по волнам детских кукол: море играло с потерянным грузом «Грейт Истерна». Несмотря на повреждения, судно пришло в порт. Братья Верн недолго задерживаются в Нью-Йорке, шумном городе, где хибары соседствуют с прекрасными особняками: цель их дальнейшего путешествия — Ниагарский водопад. Они совершают плавание по водам Гудзона, переезд по железной дороге до Буффало и наконец получают достойное вознаграждение: редкое зрелище лунной радуги над царственным водопадом. Жюль Верн оставляет роспись в гостевой книге Ниагары: под именами четы Бонапартов, барона Ротшильда, сына писательницы Жорж Санд, Мориса Санда, и многих других знаменитостей. Самое дальнее путешествие в жизни Верна было запоминающимся, но и возвращение в Париж обещало много интересного: на открывающейся Всемирной выставке среди прочих чудес цивилизации посетителей ждала Галерея Машин, здание которой было спроектировано Гюставом Эйфелем...

Неудивительно, что после путешествия на «Греит Истерн» Верну захотелось совершать более дальние плавания самостоятельно. Как только появилась возможность, Верн тут же сменил маленький баркас на новый парусник, «Сен-Мишель II». А возможность приобрести новую яхту у писателя появилась, хоть и не сразу, благодаря театру. Жюль Верн, который в двадцать лет мечтал о славе драматурга, неожиданно добился оглушительного успеха постановками спектаклей по мотивам своих романов. Трудно установить, кому именно впервые пришла в голову эта удачная мысль... Еще в 1871 году возникла идея поставить пьесу из по мотивам «Путешествия и приключений капитана Гаттераса» (1866). Возможно, этот замысел возродился благодаря устойчивому успеху поставленной в апреле 1873 года пьесы «Американский племянник», одним из соавторов которой был Жюль Верн. Посмотрев ее, Эмиль Золя признал, что драматический автор еще жив в Верне и что писатель одинаково способен смешить взрослых и просвещать детей.

Рассказывали, что подготовить сценарий по роману «Вокруг света за восемьдесят дней» Жюль Верн сначала предложил известному драматургу Викторьену Сарду, но тот отказался с комментарием в духе: «Неудобно для сцены: слишком много персонажей». Какое-то время Верн работал над пьесой с другим опытным сценаристом, Эдуардом Кадолем. Несходство характеров двух соавторов таило опасность. Кадоль был человеком спокойным и размеренным, а Верн постоянно куда-то уезжал – то в Кротуа, то в Амьен, то в Брест, то на о. Джерси, – а в короткие пребывания в Париже назначал соавтору встречи то у Этцеля, то у какого-нибудь другого знакомого, то в Люксембургском саду, то на курсирующем по Сене прогулочном кораблике. Жюлю Верну было все равно где и как обсуждать будущую постановку: шагая по бульварам или сидя спина к спине в омнибусе. Менее подвижный Кадоль чувствовал себя некомфортно. Отношения окончательно запутались, когда пьесу приняли не в том театре, для которого она предназначалась изначально, и в ее подготовке стали участвовать еще несколько человек: Адольф д'Эннери, взявший на себя доработку сценария для театра Порт-Сен-Мартен, и некий Нажак, ответственный за сокращенную версию для американских зрителей. В конце концов, Эдуард Кадоль не захотел, чтобы его имя значилось на афише, и пьеса стала поводом для ссоры между не-

сколькими литературно-театральными деятелями, довольно долго занимавшей парижскую прессу.

Как бы там ни было, премьера спектакля «Вокруг света за семьдесят дней» состоялась в ноябре 1874 года. Это было зрелищное представление нового типа, включающее в себя что-то от цирка, балета и будущих американских шоу и мюзиклов: на сцене появлялись живые слоны, низвергались водопады, звучала музыка, сменялись яркие костюмы. Публике, еще не избалованной кинематографом, предлагали совершить «кругосветное путешествие в тапочках». Когда Верн спросил у одного знакомого, успешно ли прошла премьера, тот поддразнил писателя: «Нет, это не успех. Нет, вовсе нет... это целое состояние!». Кстати, поговаривали, что Верн вынужден был отказываться от щедрых предложения со стороны представителей транспортных компаний за то, чтобы главный герой, Филеас Фогг, выиграл пари именно благодаря их судам и поездам.

Итак, это все-таки был успех. Даже маститый Виктор Гюго вскоре снова заказывал билеты для всего семейства, желавшего повторно совершить увлекательное путешествие. Жюль Верн и Адольф Эннери подготовят театральные версии романов «Дети капитана Гранта» и «Мишель Строгов», которые впоследствии многократно возобновлялись и неизменно шли при полных залах. Популярность Верна выразилась в том, что сцены из его произведений украшали шоколадные коробки «Poulain» и «Guegin-Boutron» и мелькали в «волшебных фонарях», а приключения героев вдохновляли создателей настольных игр и любителей приключений вроде американской журналистки Нелли Блай, решившей в 1884 году побить рекорд Филеаса Фогга и объехать вокруг света за 75 дней. С другой стороны, предполагали, что именно успех «несерьезного» спектакля «Вокруг света за 80 дней» охладил членов Французской Академии, удостоившей романы Верна приза в 1872 году, но так и не принявшей автора в свои ряды.

«Целое состояние», которое Верн получил благодаря театральным постановкам, несильно изменило его образ жизни: к тому времени он перебрался из Кротуа в Амьен, где у его жены были родственники, и по-прежнему много работал. Кстати, Этцель отмечал, что если бы не переезд в тихий провинциальный город, Верн написал бы на десяток романов меньше. Писатель лишь изредка появлялся в Париже, чтобы повидаться с издателем и зайти в книжный магазин, а затем снова отбывал в Амьен или в порт, где

в 1876 году его ждал новоприобретенный тринадцатиметровый куттер «Сен-Мишель II».

На этом паруснике Верн, ставший членом яхт-клуба Франции, не успел пройти много морских миль: сначала важно было побывать в Нанте, чтобы навестить сына, находящегося на пансионе в городском лицее. Дело в том, что этот мальчик, для которого был написан «Пятнадцатилетний капитан» (1875–1876), уже много лет давал родителям немало поводов для беспокойства. С рождения он был слаб здоровьем, но когда в двенадцать лет его привезли на обследование к знаменитому доктору Бланшу, вердикт гласил: психиатрическая лечебница. Позже мальчик был направлен в исправительное заведение, директор которого выявил у подростка склонность к самоубийству. Последовавший перевод в нантский лицей давал надежду на выздоровление.

Несколько успокоенный, Верн сам не удержался от «сумасшедшей выходки». Узнав, что маркиз де Прё-Сен-Жозеф продает новую тридцатиметровую яхту с паровым двигателем в 100 лошадиных сил, писатель поддается соблазну, и это прекрасное судно становится «Сен-Мишелем III». Перед Этцелем он оправдывается: «Какое сумасшествие! Но и какой корабль, и какие путешествия в перспективе... И для меня какое море впечатлений и сколько новых идей!» Теперь в распоряжении Верна была команда из десяти человек и отделанная дубом каюта. На борту нового «Сен-Мишеля» Жюль Верн действительно совершил несколько замечательных круизов. Но прежде ему необходимо было решить, как быть с «крестным отцом» всех своих яхт, сыном Мишелем, который проявлял все более несносное самомнение и тщеславие.

В 1878 году Верн решает испробовать последнее воспитательное средство, которое, вероятно, казалось ему скорее поощрением, чем наказанием: он отвез семнадцатилетнего Мишеля в Бордо и посадил его на корабль, отплывавший в Индию. Непонимание со стороны сына было полным: он жаловался на тяготы пути и заявлял в письмах, что ум его не нуждается ни в обогащении, ни в развитии, ему нужно лишь просвещение, которого искать следует совсем не в Калькутте. По возвращении Мишель выказывает желание писать, и Верн помогает ему устроиться журналистом в «Figaro».

В период с 1878 по 1886 год Верн часто совершал круизы на «Сен-Мишеле III» — от Лиссабона до Алжира, по водам Англии и

Шотландии, по каналам между Роттердамом и Копенгагеном, по Средиземноморью. Средиземноморский круиз 1884 года был задуман Верном для написания «Матиаса Сандорфа» и проходил через Лиссабон, Гибралтарский пролив, Оран, Алжир, Карфаген, Катану, Неаполь, Рим и должен был продолжаться далее, но по желанию Онорины был завершён на поезде с остановками в Венеции и Милане. Роман Верн посвятил Александру Дюма-сыну, признаваясь, что стремился сделать Сандорфа графом Монте-Кристо «Необыкновенных путешествий». Когда дело дошло до иллюстраций, Этцель попросил художника срисовать черты героя с «красивого, сердечного и энергичного лица Верна», а тот, в свою очередь, порекомендовал сделать моделью Этцеля. В конце концов Этцель признал, что они, в сущности, очень похожи и создать портрет одного — значит изобразить и другого. Это прозвучало как нечто вроде признания в любви, тем более ценное для Жюль Верна, что издателя и друга не станет в живых через два года.

Год 1886 становится для Верна страшным годом. За неделю до смерти Этцеля Жюль Верн возвращался вечером с заседания амьенского клуба, когда на пороге собственного дома его настиг вооружённый пистолетом молодой человек. Раздались два выстрела, и одна из пуль попала писателю в ногу... Прибежавший на шум слуга успел задержать нападавшего и узнал в нём любимого племянника Верна, Гастона. А ведь именно этого молодого человека Жюль Верн всегда ставил в пример собственному сыну: неизменные успехи в учебе, затем место в министерстве иностранных дел. Но с некоторых пор у талантливого юноши появились симптомы мании преследования. Накануне нападения на дядю Гастон сбежал из-под присмотра родных, взял билет до Дувра, но почему-то остановился в Амьене. Мотивы покушения так и остались загадкой, а Гастон Верн больше не произнес ни одной членораздельной фразы и скончался в лечебнице много лет спустя. Подробности дела по возможности не разглашались, хотя за состоянием здоровья раненого Верна следили все газеты. К несчастью, операция, проведенная вызванным из Парижа хирургом, окончилась неудачей: пуля так и осталась в берцовой кости писателя. С этих пор и до самой смерти Верн передвигался исключительно с тростью. С яхтой ему пришлось расстаться еще в феврале этого мрачного года, а теперь он полностью отказался от дальних поездок. Со временем все забыли, что когда-то Верна

описывали так: «быстр на суше, быстр на море, быстр на бумаге, быстр на театральных подмостках, быстр во всем».

Отныне Жюль Верн становится примерным гражданином города Амьена. Он выставляет свою кандидатуру на выборах в Городской совет в 1888 году и в течение последующих шестнадцати лет деятельно решает вопросы градоустройства. В частности, он предлагает правило для машинистов паровозов: не выпускать пары в черте города, чтобы не загрязнять воздух. При обсуждении проекта трамвайных линий Верн высказывает пожелание, чтобы контактные провода не пересекали площади, и было найдено техническое решение на основе аккумулятора.

Писатель активно участвует в работе благотворительных комитетов и комиссии по изобразительным искусствам, музеям, театрам, городским увеселениям и наименованию улиц. Героическим моментом в его карьере городского депутата является противостояние с мэром города по вопросу о дотациях Школе медицины: Жюль Верн добился стипендий для учащихся школы и отставки мэра. Кроме того, по инициативе писателя все ценные картины были перемещены из здания мэрии в музей, где они стали доступны общественности. Аргументация Верна была лукавой: либо картины имеют ценность, а значит ими должны любоваться все, либо они ничего не стоят, но тогда странно было бы держать их в здании мэрии. Благодаря Жюлю Верну город обрел постоянное здание цирка — одно из последних монументальных зданий такого рода во Франции. Должность контролера городских театров обязывала Верна присутствовать на всех идущих в Амьене спектаклях, и писатель не уклонялся от обязанностей, хотя они и шли вразрез с его привычкой ложиться спать не позднее десяти вечера и рано подниматься по утрам для работы.

Когда-то, еще до злосчастного выстрела, Жюль Верн организовывал феерические карнавалы в собственном доме. Первый из них, в 1877 году, был посвящен роману «Из пушки на Луну», и гвоздем программы было появление космической капсулы, из которого вышел никто иной как Надар, «переодетый» Арданом. На второй бал, в 1885 году, гостей приглашала веселая афиша, на которой Верн и его жена были изображены трактирщиками, а подпись гласила «бесплатно нальем, но лишь сегодняшним днем». Балы запомнились горожанам, но в последние годы жизни Верн не засиживался в гостинной, даже когда жена устраивала званые вечера, хотя и соглашался поиграть для приглашенных на фортепиано.

К концу жизни Верн прослыл домоседом и будто намеренно поддерживал эту репутацию, рассказывая журналистам, что никогда не занимался никаким спортом, кроме парусного («пару раз видел, как ездят на велосипеде»), и бросая замечания, что автомобили, на которых его катали врач и сын, «ездят слишком быстро для старика и, сдастся мне, дают слишком много куриц и щенят». Можно лишь догадываться, насколько тяжело было ему переносить ограниченность в передвижениях: по узнаваемому описанию в одной сказке Верна, где отец крысиного семейства ходит с палочкой и считает причиной своего недуга влажный климат р. Самобрив (Самаробрива — античное название г. Амьен), где он так долго «прозябал». Скептически воспринял писатель и попытку Жюль Этцеля связаться с ним по телефону в здании клуба: слышимость была плохая, а голос неузнаваем.

Сродни этим настроениям поздние романы Верна окрашиваются в более грустные тона. Не то, чтобы без поддержки Этцеля писатель впадал в уныние. В конце концов у него по-прежнему был издатель, Жюль Этцель-сын. Но Этцель-младший уже не мог удерживать Верна в амплуа поучительно-занимательного писателя, и развитие получали все более серьезные темы. Так, например, судьбу изобретателя Робура можно проследить в двух романах: «Робур-завоеватель» (1886) и «Властелин мира» (1904). Если в первом произведении Робур создает летательный аппарат с поэтичным названием «Альбатрос», то в продолжении инженер-Робур впадает в безумие и объявляет миру войну — теперь его машина зовется «Ужас». В этих и других поздних произведениях Верн не только рассматривает возможные пути технического развития, но и предупреждает об опасности использования изобретений для разрушения и уничтожения.

Трезвые наблюдения и нерадужные прогнозы «геополитического» порядка появляются и в более ранних произведениях Жюль Верна. В «Мишеле Строгове» романтически-героическая история строится на догадке о потенциальной угрозе, скрытой в многонациональности населения Российской империи. Был у Верна и проект романа о войне между Россией и Англией на территории Афганистана. В романе о Китае Верн указывал на быстроту демографического роста в этой стране и предполагал, что «излишек» населения непременно хлынет «через бреши, пробитые английскими и французскими пушками в каменных и духовных сте-

нах Поднебесной». Наконец, как человек, переживший франко-прусскую войну, Верн был внимателен к тому, как рейнский сосед наращивает технологическую мощь. Однако поставленный в романе «Флаг Родины» (1896) вопрос о поведении инженера Томаса Роша, который отдает в руки пиратов изобретенный им сокрушительной силы снаряд — это уже не противостояние Штальштадта и Франсевиля, как в «Пятистах миллионах Бегумы», а более сложная философская проблема — проблема соотношения знания и чести, власти и чувства долга.

Лучшим показателем того, какого именно Жюль Верна не поощрял Этцель, является роман «Париж в XX веке», с которым читатели познакомились только в 1994 году, почти девяносто лет спустя после смерти автора. На самом деле этот затерявшийся роман был одним из первых. В 1863 году Верн представил Этцелю свое видение французской столицы в 1960 году. Прекрасный, освященный электричеством город, по которому передвигаются бесшумные машины и поезда на магнитной подушке, город, в котором роль играют только технический прогресс и деньги, а редкие ценители литературы и хранители традиционной культуры оказываются на краю общества. Этцель оставляет на полях пометку: «Мой дорогой Верн, даже если Вы пророк, Вашему пророчеству не поверят». И писатель послушно откладывает произведение, в котором есть что-то от лучших антиутопий XX века, — а вместе с ним и целое направление в литературе, к которому возвращается лишь на закате жизни.

На склоне лет Верн все еще был высоким, не согнутым годами стариком. Только зрение резко ухудшилось к 1903 году, хотя он и отшучивался от старого друга Надара, заботливо приславшего ему брошюру о слепых: «Все не так плохо, как пишут в газетах, и, несмотря на их утверждения, я не смогу поверить, что слеп. Я читаю твои письма, я тебе пишу, я передвигаюсь по улицам древней Самаробривы. Следовательно: преувеличение». Но мужество Верна не могло вернуть ему зрение, хотя и позволило ему стойко диктовать последние романы секретарше сына. И так до дня, когда был потерян и дар речи.

Когда 77-летнего писателя сразил смертельный приступ диабета, у его изголовья собралась вся семья. Жюль Верн сменил три яхты, а вот брак с Онориной выдержал все житейские испытания. Забылось, что когда-то Онорина в сердцах писала Этцелю: «Вы, делающий все, чтобы он стал достойным писателем, счита-